

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Meteorological Linguocultural Code
in Russian Dialects of Odessa Region
(based on phraseology)

Наталья Георгиевна Арефьева
n.arefieva@onu.edu.ua

Одесский национальный университет имени И.И.Мечникова
(Одесса, Украина)

Natalia G. Arefieva
n.arefieva@onu.edu.ua

Odessa I. I. Mechnikov National University (Odessa, Ukraine)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 15.08.2019

Fecha de evaluación: 30.03.2019

Cuadernos de Rusística Española n° 15 (2019), 67 - 76

РЕЗЮМЕ

В настоящей статье исследуются фразеологизмы русских говоров Одесщины, группирующиеся вокруг метеорологического лингвокультурного кода. На основе отобранного фразеологического массива выделяются культурно значимые для региональной картины мира концепты *дождь, туча, ветер*. Раскрывается внутренняя форма рассматриваемых фразеологических единиц.

Автор приходит к выводу об исключительной важности метеорологического кода лингвокультуры в региональной картине мира русских диалектоносителей, о чём свидетельствует ярко выраженная детализация природных явлений, нашедшая своё отражение во фразеотворчестве русских переселенцев.

Утверждается, что лингвокультурный метеорологический код русских говоров Одесщины как важнейший фрагмент внеязыковой действительности сформировался под влиянием как региональной, так и общенациональной и межнациональной картин мира. Исследование носит междисциплинарный характер и находится на стыке диалектологии, фразеологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, этнолингвистики и лингвосомиотики.

Ключевые слова: русские говоры Одесщины, фразеологизм, лингвокультурный код, региональная картина мира

ABSTRACT

In this article phraseological units, which are grouped around meteorological linguocultural code, are investigated. On the basis of the selected phraseological material, the concepts *дождь, туча, ветер*, which are culturally important for regional picture of the world, are allocated. The internal form of the analyzed phraseological units is delighted.

The author comes to conclusion about exceptional role of the meteorological code of linguoculture in the regional picture of Russian dialects' careers. It is confirmed by the pronounced itemization of natural phenomena reflected in the phraseological creative work of Russian settlers.

It is stated, that the linguocultural meteorological code of the Russian dialects of Odessa region as the most important fragment of extralinguistic reality was influenced by as regional as general national and

interethnic picture of the world. The investigation concerns dialectology, phraseology, cognitive linguistics, linguoculturology, ethnolinguistics and linguosemiotics and can be characterized as an interdisciplinary one.

Key words: Russian dialects of Odessa region, phraseological unit, linguocultural code, regional picture of the world

Русские говоры Одесщины, на протяжении длительного времени находящиеся в тесном соседстве с украинским, болгарским, молдавским, гагаузским, румынским и немецким языками, представляют собой уникальное языковое и культурное явление, вот уже не одно десятилетие привлекающее внимание исследователей не только своеобразием и выразительностью языковых средств, но и самобытностью культурных традиций, фактов и представлений, уходящих корнями в глубокое прошлое.

Фраземика русских переселенческих говоров Одесской области, до сих пор не попадавшая в поле зрения исследователей, транслирует глубинные культурные слои, поэтому изучение её в ракурсе этнолингвокультурологии и лингвосемиотики кажется нам актуальным и перспективным.

Целью настоящего исследования является лингвокультурное содержание фразеологизмов, группирующихся внутри метеорологического кода картины мира русских переселенцев.

Понимая под лингвокультурным кодом, вслед за В. А. Масловой, «глубинное культурное пространство, в котором разные языковые сущности получают различные культурные смыслы, заполняя собой и формируя тем самым код» (Маслова 2016: 81), на основе фразеологического материала, наряду с кодами хозяйственным, социальным, флористическим, анималистическим и другими нами был выделен код метеорологический. Метеорологический код мы рассматриваем здесь как составную часть кода природного, играющего важную роль в «домоцентрической» (термин Е. Л. Березович) картине мира диалектоносителя.

Материалом для исследования послужили прежде всего данные двухтомного Словаря русских говоров Одесщины. С целью составления более полного системного взгляда на региональную картину мира привлекались также не вошедшие в словарь данные картотеки диалектологических экспедиций студентов и преподавателей Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, начиная с 60-х гг. прошлого века, поскольку, как справедливо замечает Т. И. Вендина, сегодня «в диалектологии утверждается новая парадигма исследований диалектного слова, когда в центре внимания оказывается не отдельное слово, а вся лексическая система диалекта, во всей сложности её единиц и связывающих их отношений» (Вендина 2018: 32).

Методом сплошной выборки нами были отобраны фразеологические единицы (далее – ФЕ), которые условно можно объединить вокруг нескольких культурно значимых концептов (термин В. Н. Телия). Таковыми являются «метеорологические» концепты *дождь*, *туча*, *ветер*. Как известно, погодные условия всегда были чрезвычайно важны для русского крестьянина, поскольку могли оказать влияние на урожай и возможность его сбора, «обусловить последовательность действий и в целом обыденный уклад жизни человека» (Белица, Старостина 2012: 181–182). Именно поэтому код природный (а значит, и метеорологический) теснейшим образом

переплетается с кодом хозяйственным, о чём мы уже писали в некоторых наших статьях (например, Арефьева 2017: 137).

Рассмотрим ФЕ, репрезентирующие дождь как важнейшее погодное явление, с которым соотносится такой важнейший для жителя сельской местности параметр, как урожайность и связанные с ним виды сельскохозяйственных работ. Отметим, что внутренняя форма отобранных нами ФЕ достаточно ясна и прозрачна. В её основе – многовековые народные наблюдения, закодированные впоследствии в виде устойчивых сочетаний. Так, фразеологические наименования дождя в русских говорах Одесского региона достаточно многообразны. Ср., например, *тучевой дождь* – ‘ливень’: *Как нашол тут тучава́й дош, как палило – тимо стала, так валы многа* (Усп.) (СРГО 2000–2001, 2: 232). В основе внутренней формы ФЕ – наблюдение, связанное с проливным дождём (ливнем), предвестником которого являются тучи, отсюда и региональное слово – *тучевой*. Тучи как предвестники дождя могут быть, по наблюдениям диалектоносителя, белыми (то есть светлыми) и синими (то есть тёмными): *бёлая туча* – ‘грозовая туча, обычно с градом’: *Бываитъ бёлая туча насунить, а доши спакойный* (Введ.). *А кагда бёлая туча, гаваряйт: буря идёт, а эта грат* (Усп.) (СРГО 2000–2001, 1: 36). Колоратив *белый* здесь можно объяснить, по-видимому, частыми вспышками молний, сопровождающих и освещающих тучу и предшествующих грозе. По наблюдениям профессора Е. В. Брысиной, прилагательное *белый* – «одно из самых частотных в речи диалектоносителей» (Брысина 2017: 61). «Будучи широко употребительным, слово имеет практически неограниченную сочетаемость и используется в прямом значении (онтологический регистр), определяя цвет окружающих предметов: растений, животных, цвет тканей, одежды, во внешности людей – цвет кожи, волос и т. д.», – отмечает учёный (Там же). Ср., к примеру, терминологические сочетания, функционирующие в русских островных говорах Одесщины: *беленький подсолнушек* – ‘ромашка’, *белый борщ* – ‘борщ, заправленный сметаной и яйцами’, *белый день* – ‘время до захода солнца’; *белый кудрик* – ‘сорт винограда’ и другие (СРГО 2000–2001, 1: 35–36), а также *светлая погода* – ‘солнечная погода’: *Сена косим в светлую пагоду* (Павлов.) (СРГО 2000–2001, 2: 158).

Белой туче в региональной картине мира русских переселенцев противопоставляется *туча синяя*, то есть тёмная. Так, *сйняя хмара* в русских говорах Одесского региона – ‘дождевая туча’: *Сйние хмары вакрух – дож будить* (Введ.). *Идёт сйняя хмара – дож будить* (Введ.) (СРГО 2000–2001, 2: 168), где *хмара* – заимствованный украинизм, восходящий к праславянскому *хмара*, связанному со словами *хмира* и *смур* ‘тёмный, мрачный’, в свою очередь соотносящимися с греческим *ἄμαυρος* ‘тёмный’ (ЕСУМ 1982–2012, 6: 187). Вполне возможным нам представляется и генетическое родство с праславянским **mork*, как и **merk* ‘темнота’, восходящим к и.-е. **merǵ* ‘мрак’, ср. др.-инд. *markāś* ‘затмение’ (Цыганенко 1989: 243). Ср. также общенациональное *хмурый*, *хмуриться*, *мрак*, *мрачный*, *пасмурный*, *сумерки*, *сумрак*, *сумрачный*, а также *смурной* – обл. ‘хмурый, мрачный, печальный’ (СРЯ 1999) и укр. *смурий* ‘мутный, хмурый’ (ЕСУМ 1982–2012, 5: 331), в основе внутренней формы которых лежит прямое и переносное значение слова *тёмный*. У В. И. Даля находим: *Смур кафтан, да душа бела* (Даль 1998: 3885).

По данным Словаря русских говоров Одесщины, *хмара* употребляется в двух значениях: 1) 'туча': *Хмара патом усё неба закрыла, и да вечера дожж зарядил сутковий* (Алекс.). Повсеместно; 2) перен. 'много': *У пана ф хазяйстви хмара скатины была* (Б. Пл.) (СРГО 2000–2001, 2: 261). Заметим, что в этих же значениях употребляется и польское *chmara* (ЕСУМ 1982–2012, 6: 187); во втором значении с ним коррелирует русское общенациональное *тьма* 'множество' (древнее славянское заимствование из восточных языков, ср. тур. *tuman* '100 тысяч'; у славян *тьма* '10 тысяч' сближается с *тьма* 'мрак': 'великое множество' > 'неисчислимое (тёмное) множество' (Цыганенко 1989: 442)). Ср. русск. *тьма народу*, *тьма тьмущая*, а также *налететь тучей* 'о несущемся вражеском войске (как правило, конном)'. Ср. также диалектную ФЕ *зависать хмарами* – 'покрываться тучами (о небе)': *Зависла хмарами* (Введ.). *Неба хмарами зависла* (Возн.) (СРГО 2000–2001, 1: 206).

О высокой культурной значимости концепта *туча* / *хмара* свидетельствуют и многочисленные производные от слова *хмара* диалектизмы, образованные по «классическим» словообразовательным моделям: *захмарить* 'покрыться тучами, облаками': *Неба захмарила* (СРГО 2000–2001, 1: 229); *захмариваться* – несов. к *захмариться*: *Неба захмариваица. Бальшынство так гаварять, а ним замалажываица* (Введ., Возн.) (Там же); *захмариться* 'покрыться тучами, облаками': *Захмарилась, доиши буди* (Рус. Ив.). Повсеместно (СРГО 2000–2001, 1: 230); *нахмарить* – безл. 'затянуть тучами': *Шчас нахмарила неба* (Мирн.) (СРГО 2000–2001, 1: 310); *нахмариться* 'затянуться тучами': *Неба нахмарилась – дож будить* (Возн., Введ., Павлов., Мирн.) (СРГО 2000–2001, 1: 327); *похмарить* – безл. 'собираться (о тучах)': *Пахмарэ, пахмарэ, а дажа нету* (Бел.) (СРГО 2000–2001, 2: 102); *хмарить* – безл. 'затягиваться тучами': *Што-та хмарить стала, можыт дожж будит?* (Ст. Некр., Троиц., Усп.) (СРГО 2000–2001, 2: 261); *хмариться* – безл. 'затягиваться тучами': *Хмарница, толька б дажда не была* (Павл., Рус. Ив.) (Там же); *хмарненький* – уменьш. к *хмарный*: *День сиводня хмарнинькай* (Ст. Некр.) (Там же); *хмарно* 1) 'пасмурно, облачно': *Хмарна на улицэ, скоро дожж* (Мур., Серг., Ст. Некр., Усп.); 2) перен. 'плохо': *Жыли хмарна* (Вас., Возн.) (Там же); *хмарный* 'облачный, пасмурный': *Пагода вечор была хмарная* (Вас., Рус. Ив., Серг., Ст. Некр., Усп.) (Там же); *хмарочка* – уменьш. к *хмара*: *Неба у хмарачках* (Павл.) (Там же).

Прозрачной внутренней формой обладает ФЕ *обложённый дождь* – 'обложной дождь – затяжной дождь, во время которого всё небо обложено тучами': *Абалажонный дощ пашол* (Дем.) (СРГО 2000–2001, 1: 336) и связанные с ней ФЕ, зафиксированные в материалах диалектологических экспедиций: *окладной дождь* – 'мелкий дождь, долго длящийся' (Ст. Некр.), 'длительный затяжной дождь с туманами' (Никол.): *Акладной дощ идёт три-чтыри дня* (Мур.). *Акладной дощ* – *длинный дощ. Он идёт да фсё у землю.* (Б. Пл.). Осенью у нас *акладные дожди* (Возн.). *Дожди бывають у нас окладные, когда весь день льёт* (Ст. Некр.); *охладной дождь* – 'мелкий дождь' (Введ.). *Бывають ахладной дождь* (Введ.). Последние два примера – региональные деривационные формы глагола *обкладывать*. В русских говорах Одесщины находим также субстантивированное прилагательное с тем же значением: *кладной* – 'обложной дождь': *Кладной – эта летам ливинь* (Спас.) (СРГО 2000–2001, 1: 60). В Словаре русских народных говоров *окладной* – 'сопровождающийся сплошной облачностью, затяжными дождями'. *Окладное*

ненастье (Тулун, Иркут, Том., Челяб.) (СРНГ 1965–2016, 23: 122); *окладник* – 1) обложной дождь: *Это уже окладник. Всё заволокло и просвета нет. Это уже до вечера дождь будет. Кругом окладник, значит, всё небо тучи заволокли* (Пинеж. Арх.) (СРНГ 1965–2016, 23: 121–122). Таким образом, и литературное устойчивое сочетание *обложной дождь* – ‘затяжной дождь, во время которого всё небо обложено тучами’ (ФСРЯ 2007: 176), и его региональные фразеологические соответствия *обложённый дождь, окладной дождь, охладной дождь*, являясь своеобразными «фрагментами гнёзд синтезированного типа» (то есть представляющие собой как единицы русского литературного языка, так и диалектные единицы – Н. А.) (Никитевич 2017: 29), восходят к одному и тому же глаголу *обкладывать / обложить*, а глубже – к первичному пространственному значению префикса *-об (-обо)* ‘вокруг’. Ср. также примеры употребления устойчивых сочетаний *обложить со всех сторон* и *обложить как волка*, возникшие на основе метафорического переосмысления данного глагола: *Он путался в собственной ярости и беспомощности, всё больше и больше чувствуя окончательную неловкость своего положения. Со всех сторон обложили...* Виктор Ремизов. Воля вольная, «Новый мир», 2013 (НКРЯ). *Серпину... извини, святой отец, я хотел сказать Серпухина, обложили, как волка.* Н. Дежнев. Принцип неопределённости, 2009 (НКРЯ).

Синонимом вышеперечисленных фразеонаименований мелкого, долго длящегося дождя является фразеологизм *чумацкий дождь*: *Бабахнула граза и палил чумацкий дождь. Йиво йищо акладным завут* (Введ.). *Чумацкий дождь* – межидиалектная ФЕ, функционирующая как в русских, так и в украинских говорах Одесщины. Украинское *чумацький дощ* – ‘мелкий дождь, идущий несколько суток’. Когда шёл такой дождь, чумаки не могли ехать, отсюда и название фразеологизма (перевод наш – Н. А.) (Москаленко 1958: 76; СУГО 2011: 211).

О мелком непродолжительном дожде русские диалектоносители скажут: *гусиный дождь* – ‘мелкий весенний дождь’: *Какой же ён мелинький дощи гусиной* (Спас.) (СРГО 2000–2001, 1: 153); *мáловний дождь* – ‘непродолжительный дождь’: *А мáлавний збризни и прайде* (Рус. Ив.). *Мáлавний дождь прайдёт и можна снова у поле итти* (Рус. Ив.) (СРГО 2000–2001, 1: 296); *спокойный дождь* – ‘тихий дождь’: *Спокойный дождь – тихий, без ветра, самый хороший для урожая* (Введ.) (СРГО 2000–2001, 2: 184). Внутренняя форма ФЕ *гусиный дождь* связана, на наш взгляд, со знанием повадок и особенностей гуся как одного из наиболее распространённых в сельской местности видов домашней птицы: как известно, гусь считается «непромокаемой» птицей благодаря жировой смазке оперенья, из-за чего вода скатывается с него (Бирих 2005: 172–173), ср. ФЕ *как с гуся вода* ‘ничего не действует на кого-либо’ (ФСРЯ 2007: 58), то есть можно предположить, что *гусиный дождь* – это дождь, который не увлажняет землю, не влияет на урожай, нерезультативный дождь. Добавим также, что доскональное знание повадок и внешних особенностей птицы, меткая народная наблюдательность легли в основу таких общеизвестных ФЕ, как *гусятинная кожа* ‘кожа, покрытая мелкими пупырышками, появляющимися у человека от холода или нервного возбуждения’ (ФСРЯ 2007: 58), *гусиные лапки* ‘веерообразно расположенные морщинки около наружных углов глаз’ (Там же), а также ФЕ *гусятинная (куриная, индюшиная) память* ‘беспамятство’ (Даль 1998: 701). В аспекте создания ФЕ *гусиный дождь* интересен, на наш взгляд,

общенациональный вариант *слепой дождь (дождик)*, то есть опять же ‘беспольный, нерезультативный дождь’.

Украинское слово *раптом* ‘внезапно, неожиданно’ лежит в основе ФЕ *раптовий дождь* – ‘проливной дождь’, именно поэтому *раптовий дождь* – ‘дождь внезапный, неожиданный’: *Ни бязи, ён зараз закончица, эта ш раптовий дощ* (Возн.). *Такой раптовий дощ был* (Вас.). *Летам раптовии дажди пайдуть* (Прим.). *Раптовий дощ застих на стипу нас* (Серг.). *Дажди были разные: суткавой, раптовий, чумацкий* (Усп.) (СРГО 2000–2001, 2: 138). Что касается *дождя суткавого*, то здесь, как нам кажется, имеет место словообразовательное творчество диалектоносителя (ср. общенациональное *суточный*). По наблюдениям А. В. Никитевича, «в ряде случаев диалектное словообразование “продуцирует” единицы, отсутствующие в литературном языке при наличии достаточно богатых с точки зрения количества единиц гнёзд» (Никитевич 2017: 39).

С периодом дождей связано и такое немаловажное для жителей сельской местности явление, как распутица, создающая препятствия в различных видах сельскохозяйственной деятельности. В рассматриваемых нами говорах в этом значении употребляется ФЕ *крутая грязь: Крутая грязь ударила* (Введ.) (СРГО 2000–2001, 1: 269). Адъектив *крутой* здесь – эталон максимального проявления признака, отражённый и общенациональной картиной мира: *круто посолить (посыпать солью)* – ‘посолить что-л. чрезмерно сильно’, *крутой кипяток* – ‘сильно кипящая, клокочущая вода’ (ФСРЯ 2007: 126); *яйцо вкрутую* ‘– о яйце, сваренном до состояния готовности’ (как противопоставление *яйцу всмятку* – о яйце, сваренном до полуготовности); *крутой спуск, крутой подъём, крутой* (о человеке), *круто!*

В русских островных говорах Одесщины зафиксирована ФЕ, репрезентирующая молнию: *столбовая молонья* – ‘молния, бьющая вертикально вниз’: *Сталбавая моланья бьёт внис* (Павлов.) (СРГО 2000–2001, 2: 192), где *молонья, молоня, моланья, маланья, мольня, молонья* – диалектное ‘молния’ (СРГО 2000–2001, 1: 306), ср. укр. *молоння*, белорусск. *молоння*. Данное слово фиксирует и Словарь русских народных говоров. В речи русских диалектоносителей юга Одесской области функционируют и широко употребительные дублеты данного слова, к примеру, *блѣскавка* – та же ‘молния’: *Ва время дажжа была блѣскафка* (Б. Пл.) (СРГО 2000–2001, 1: 41) и связанные с ним глаголы *блѣскаць* – ‘сверкать’: *Блѣскала малыня и гром гримел* (Б. Пл.) *В неби маланьи блѣскають* (Павл., Рус. Ив.) (Там же); *блѣскануть* – ‘сверкнуть’: *А молния как блѣсканѣть!* (Спас.) (СРГО 2000–2001, 1: 42]. По мнению Е. М. Мотузенко, обосновавшего протетический характер *м-(мо-)* в слове *молния*, этимология русск. *молния* (и, следовательно, рассматриваемые нами диалектизмы – Н. А.) генетически связаны с названиями пламени: др.-греч. *λαίπας* ‘молния’, укр. *блискавка, блискавица* ‘молния’, швед. *blixt* ‘молния’, нем. *blitz* ‘молния’, англ. *lightning* ‘молния’, лат. *fulgor* и *fulmen* ‘молния’ *flagrāre* ‘гореть, сверкать’ и *flamma* ‘пламя’ (Мотузенко 2006: 111). Как утверждает учёный, «выделяемые в восточнославянских названиях молнии (русск. *молния*, диал. *молонья, маланья, маланка*, укр. *молоння*, белорусск. *молоння*) древние корневые морфемы *-олн-, -лон-, -лан-* вполне соответствуют вариантам корневых морфем названий пламени (ср. польск. *plonac* ‘гореть, пылать’)» (Мотузенко 2006: 111).

Культурной значимостью в региональной картине мира русских диалектоносителей обладает и концепт «ветер». Ср. ФЕ *буйон-ветер* – ‘буйный, сильный ветер’, в основе внутренней формы которой – олицетворение ветра как природного явления (*буйон* от *буйнить*, *буйный*; ср. диал. *бузун* ‘драчун, буйан’ (Волог.); *буян* 1) ‘ветер, сильный ветер’; 2) ‘дерзкий, грубый человек, грубиян’ (Свияж. Казан.); ‘обидчик’ (Скоп. Ряз. Волог., Саратов.) (СРНГ 1965–2016, 3: 258, 334): *Паду́й-ка, паду́й, буйон-ветир!* (Ст. Некр.) *Паду́й-ка, паду́й, буйон-ветир, са пагодаю. Ты разве́й-ка, разве́й вербинушку раскудряваю* (песня) (Ст. Некр.) (СРГО 2000–2001, 1: 61, 73). Свидетельством несомненной связи фразеологизма с фольклорными мотивами является и свадебная песня, которую приводит М. Шпис в книге «Свадебные песни из городищенской свадебной игры», включающей, по словам автора, «свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в деревне Городище, Петсерского уезда (бывшей Псковской губернии) в Эстонии (Шпис 1936). Вот фрагмент из «Застолицы» – свадебной песни, исполняемой за свадебным столом, когда просят благословения у Господа «заигрывать» свадебную игру и «опевают» наиболее почётных гостей: *У мово то батиньки, ни уса не бороды, / Только желты кудерцы по плечам развилися. / Воздохнёт во сто рублей, слово молвит в тысяцу, / Он по полю едет – как буйон ветер веет* (курсив наш; орфография автора сохранена – Н. А.) (Шпис 1936: 16). Ср. также фольклорную по своему происхождению ФЕ *буйная головушка* – ‘о человеке удалом, бесшабашном’: *А какой я был сорванец, буйная головушка, вы и представить себе не можете* (А. Чехов, *То была она!*) (ФСРЯ 2007: 22), где голова – символ человека. Ср. другие ФЕ, также образованные на основе метонимического переноса: *светлая голова, пустая голова, голова садовая* и т. п.).

Заслуживающим внимания является и, с нашей точки зрения, номенклатурно-терминологическое сочетание *полудённый ветер* – ‘южный ветер’: *Палудённый ветир дуйть* (Коса). *Падуить палудённый ветир и дощ придёт* (Ст. Некр.) (СРГО 2000–2001, 2: 71). В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля находим: *полуден* – на Онеге ‘юг или южный ветер’, *полуденный ветер* – ‘южный ветер’, *полуденка* – дунайск. ‘южный ветер’ (Даль 1998: 334). Аккультурацию фразеологизма можно объяснить, на наш взгляд, природными условиями региона: Чёрное море по отношению к русским переселенцам находится на юге. В полдень ветер, как правило, дует с моря на сушу, то есть в данной местности с юга на север, перенося влажные воздушные массы. Отсюда и наблюдения носителей говоров: *Падуить палудённый ветир и дощ придёт* (Ст. Некр.) (СРГО 2000–2001, 2: 71). Как видим, внутренняя форма вышперечисленных ФЕ достаточно ясна и прозрачна. Заметим, что в русских островных говорах юга Одесской области функционируют и именные сочетания *полудёна, полудёнка* ‘южный ветер’: *Южный ветир у нас палудёна называицца* (Коса). *Такие ветра есть: караель, палудёна* (Вилк.). *С утра дуйть палудёна* (Мур.). *Палудёнка падула: так типло будить* (Вас.) (Там же). Ср. также укр. *пивдень* – ‘юг’, *пивденний* – ‘южный’. Подобную аккультурацию терминологических наименований наблюдаем и в русской городской речи Одессы. Так, Е. Н. Степанов отмечает: «Среди одесских названий ветров известен локализм *молдаван* – ветер, который дует с запада и юго-запада, приносит осадки и отгоняет от берега тёплые слои воды. Название ветра связано с географическим расположением Одессы к востоку от Молдавии» (Степанов 2017: 86).

Соглашаясь с А. В. Никитевичем в том, что «русская материальная и духовная народная культура неизбежно нашла своё отражение во внутренней форме русского диалектного слова» (Никитевич 2017: 40), добавим, что рассмотренные диалектные фразеологизмы, раскрывая один из лингвокультурных кодов – код метеорологический, репрезентируют важный фрагмент региональной картины мира посредством культурно значимых концептов – *дождя*, *тучи* и *ветра*, тем самым отражая такие «аномальные» с точки зрения диалектоносителя погодные явления, как дождь, грозу и ветер.

Фразеологические наименования представленных погодных явлений характеризуются:

- 1) ярко выраженной детализацией, что еще раз подчёркивает высокую значимость репертуара метеорологических явлений в быту и трудовой деятельности русских переселенцев;
- 2) вполне прозрачной внутренней формой;
- 3) влиянием близкородственного украинского языка и его говоров (*раптовий дождь, зависать хмарами*), одним из проявлений которого является функционирование междиалектных фразеологизмов (*чумацкий дождь*);
- 4) присутствием фольклорных мотивов (*буйон-ветер*).

Опираясь на вышеприведённые факты, можно с уверенностью констатировать, что лингвокультурный метеорологический код в русских говорах Одесщины как важнейший фрагмент внеязыковой действительности сформировался под влиянием как региональной, так и общенациональной и межнациональной картин мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АРЕФЬЕВА, Н. Г. (2017): “Фразеологическая картина мира сквозь призму лингвокультурных кодов (на материале русских говоров Одесщины)”, Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства, № 27. Одеса, с. 135–140.
- БЕЛИЦА, Т. И., СТАРОСТИНА, Е. В. (2012): “Лингвокультурная специфика номинаций погодных явлений в языковой картине мира носителей говора”, Вестник НГУ. Серия: История, филология, том 11, выпуск 9: Филология, с. 180–185.
- БРЫСИНА, Е. В. (2017): “Особенности цветообозначений в русских диалектах”, Русский язык и литература в средней и высшей школе, №1–2, с. 61–68.
- ВЕНДИНА, Т. И. (2018): “Традиции и новации в изучении русских диалектов”, Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24–26 мая 2018 г.). Брянск, с. 28–39.
- МАСЛОВА, В. А. (2016): “Особенности описания языка сквозь призму лингвокультурных кодов”, Матеріали V Всеукраїнської науково-практичної конференції «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України (31 березня – 1 квітня 2016 р.). Дніпропетровськ, с. 81–87.

- НИКИТЕВИЧ, А. В. (2017): “Русская народная культура в зеркале словообразования”, Cuadernos de Rusística Española, №13, pp. 29–42.
- МОТУЗЕНКО, Е. М. (2006): *Этимология и семантика*. Vector. Кишинёв.
- СТЕПАНОВ, Е. Н. (2017): Освоение лексических заимствований из восточно-романских и итальянского языков в русской городской речи Одессы, Cuadernos de Rusística Española, №13, pp. 83–95.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- БИРИХ, А. К., МОКИЕНКО, В. М., СТЕПАНОВА, Л. И. (2005), *Русская фразеология: историко-этимологический словарь*. Астрель : АСТ : Люкс. Москва.
- ДАЛЬ, В. И. (1998), *Толковый словарь живого великорусского языка*. Изд-во «Цитадель». Москва.
- ЕСУМ (1982-2012): *Етимологічний словник української мови: у 7 т.* Наукова думка. Київ.
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
- МОСКАЛЕНКО, А. А. (1958). *Словник діалектизмів українських говірок Одеської області*. Одеський державний педагогічний інститут імені К. Д. Ушинського. Одеса.
- СРГО (2000-2001): *Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т.* Изд-во «АстроПринт». Одесса.
- СРНГ (1965–2016): *Словарь русских народных говоров: в 49 вып.* Издательство Академии наук СССР, Институт лингвистических исследований РАН. Москва – Санкт-Петербург.
- СРЯ (1999): *Словарь русского языка: в 4-х т.* РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma415923.htm>
- СУГО (2011): *Словник українських говірок Одещини*. ОНУ імені І. І. Мечникова. Одеса.
- ФСРЯ (2007): *Фразеологический словарь русского языка*. Изд-во «Рус. Яз. – Медиа». Москва.
- ЦЫГАНЕНКО, Г. П. (1989). *Этимологический словарь русского языка*. Изд-во «Радянська школа». Киев.
- ШПИС, М. (1936): *Свадебные песни из городищенской свадебной игры*. Petseris.

BIBLIOGRAPHY

- AREF'EVA, N. G. (2017): “Frazeologicheskaya kartina mira skvoz' prizmu lingvokul'turnyh kodov (na materiale russkih govorov Odesschiny)”, *Mova: naukovо-teoretichniy chasopis z movoznavstva*, № 27. Odesa, s. 135-140.
- BELICA, T. I., STAROSTINA, E. V. (2012): “Lingvokul'turnaya specifika nominaciy pogodnyh yavleniy v yazykovoy kartine mira nositeley govora”, *Vestnik NGU. Seriya:*

- Istoriya, filologiya, tom 11, vypusk 9: Filologiya, s. 180-185.
- BRYSSINA, E. V. (2017): "Osobennosti cvetooboznacheniy v russkikh dialektah", *Russkiy yazyk i literatura v sredney i vysshey shkole*, №1-2, s. 61-68.
- MASLOVA, V. A. (2016): "Osobennosti opisaniya yazyka skvoz' prizmu lingvokul'turnykh kodov", *Materiali V Vseukraïns'koï naukovy-praktichnoï konferencii «Lingvistichni ta lingvokul'turologichni aspekti navchannya inozemnih studentiv u vischih navchal'nih zakladah Ukraïni (31 bereznya – 1 kvitnya 2016r.)*. Dnipropetrovs'k, s. 81-87.
- NIKITIEVICH, A. V. (2017): "Russkaya narodnaya kul'tura v zrekale slovoobrazovaniya", *Cuadernos de Rusística Española*, №13, pp. 29-42.
- MOTUZENKO, E. M. (2006): *Etimologiya i semantika*. Vector. Kishinev.
- STEPANOV, E. N. (2017): *Osvoenie leksicheskikh zaimstvovaniy iz vostочно-romanskikh i ital'yanskogo yazykov v russkoy gorodskoy rechi Odessy*, *Cuadernos de Rusística Española*, №13, pp. 83-95.
- VENDINA, T. I. (2018): "Tradicii i novacii v izuchenii russkikh dialektov", *Kommunikativnye pozicii russkogo yazyka v slavyanskom pogranich'e: dvuyazychie i mezh'yazykovaya interferenciya: Nauchnye doklady uchastnikov Mezhdunarodnogo foruma rusistov (g. Novozybkov, Bryanskaya oblast', 24-26 maya 2018 g.)*. Bryansk, s. 28-39.

SOURCES

- BIRIH, A. K., MOKIENKO, V. M., STEPANOVA, L. I. (2005), *Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskii slovar'*. Astrel' : AST : Lyuks. M.
- CYGANENKO, G. P. (1989). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Izdatel'stvo «Radyans'ka shkola». Kiev.
- DAL', V. I. (1998), *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka*. Izd-vo «Citadel'». M.
- ESUM (1982-2012): *Etimologichniy slovník ukraïns'koï movi: u 7 t*. Naukova dumka. Kii. NKRYa: Nacional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyy resurs]. – Mode of access: www.ruscorpora.ru
- MOSKALENKO, A. A. (1958). *Slovník dialektizmiv ukraïns'kih govirok Odes'koï oblasti*. Odes'kiy derzhavniy pedagogichniy institut imeni K. D. Ushins'kogo. Odesa.
- SHPIS, M. (1936): *Svadebnye pesni iz gorodischenskoy svadebnoy igry*. Petseris.
- SRGO (2000-2001): *Slovar' russkikh govorov Odesschiny: v 2 t*. Izd-vo «AstroPrint». Odessa.
- SRNG (1965-2016): *Slovar' russkikh narodnykh govorov: v 49 vyp*. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN. Moskva-Sankt-Peterburg.
- SRYa (1999): *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h t*. RAN, In-t lingvisticheskikh issledovaniy; Pod red. A. P. Evgen'evoy. – 4-e izd., ster. – M.: Rus. yaz.; Poligrafresursy [Elektronnyy resurs]. – Mode of access: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma415923.htm>
- SUGO (2011): *Slovník ukraïns'kih govoriv Odesschiny*. ONU imeni I. I. Mechnikova. Odesa.
- FSRYa (2007): *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka*. Izd-vo «Rus. Yaz. – Media». Moskva.